

К ОБЛОЖКЕ ЖУРНАЛА

© Е.Е. ЛУКЬЯНОВА, 2016

МОДЕСТ ПЕТРОВИЧ МУСОРГСКИЙ (1839—1881): К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ

Е.Е. Лукьянова

НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского, Москва

«Считаю Мусоргского самым гениальным создателем оперного реализма. Ни до, ни после него не было равных ему по вдохновению и творческому гению художника».

Ф.И. Шаляпин

«Как жаль эту гениальную силу, так глупо с собой распорядившуюся физически!»

И.Е. Репин

Мусоргский. Сердце любого соотечественника невольно бьется в такт музыке, когда раздаются звуки монументально возвышенного «Рассвета на Москве-реке», потрясающего по глубине хора расколльников или леденящего душу заклинания Марфы: «Силы подайте» из «Хованщины». Даже те, кто не слишком силен в истории оперного искусства, немедленно вспомнят ставшие идиомами пушкинские строки: «ни сна, ни отдыха измученной душе» и «и мальчики кровавые в глазах...» из его же оперы «Борис Годунов».

Разумеется, писать о гении русской музыки после великих Владимира Васильевича Стасова, Дмитрия Дмитриевича Шостаковича и многих других прославленных деятелей культуры — дело неблагодарное. Поэтому в предлагаемой читателям журнала статье нет музыковедческой оценки творчества композитора-новатора, как нет и какой-либо оценки его самобытного пути в искусстве, а есть лишь попытка по-своему взглянуть на личность, признанную своими современниками и потомками «гением музыки». И одновременно человека — дворянина по происхождению, умершего под чужим именем в больнице для нижних военных чинов, и чей единственный прижизненный портрет написан там же за несколько дней до его смерти от алкоголизма.

Все, как известно, начинается с детства, и, как говорили великие предшественники, «истинные таланты уже рождаются ими». А детство у Модеста Петровича было обычным для дворянского ребенка того времени: домашнее воспитание, простор имения, наполненные музыкой и поэзией вечера. По свидетельству старшего брата Филарета, уже в детстве М.П. Мусоргский поражал гостей и родственников совсем недетским исполнительским искусством настоящего профессионала — пианиста [2, 7].

Позднее в юности, когда он получал дальнейшее образование в Школе гвардейских подпра-

порщиков и кавалерийских юнкеров, где обучению гуманитарным предметам и иностранным языкам традиционно уделялось пристальное внимание, он блистательно исполнял произведения различных композиторов и, обладая красивым камерным баритоном, он часто и охотно пел на музыкальных вечерах. К этому же времени относятся и его первые опыты, и, к сожалению, возникновение алкогольной зависимости, о чем свидетельствовали его сокурсники: в Школе, отмечалось ими, «нравы были ещё те!» [6, 7]. И когда по окончании обучения Модест Петрович в 1856 г. начал служить прапорщиком в Преображенском полку, он, по свидетельству современников, уже «пил горькую», и поэтому с ним уже не договаривались заранее об участии в концертах, так как никто никогда не знал, будет ли он в то время в нормальном состоянии или начнется очередной запой [2, 6, 7]. Известная российская беда. Как писал выдающийся ученый и врач В.М. Бехтерев: «Русский народ имел несчастную привилегию потреблять сорокоградусную водку... Дело в том, что крепкие растворы алкоголя... действуют особенно разрушительно». Глядя из сегодняшнего дня, более чем через 150 лет, трудно судить о реальных причинах, побудивших композитора оставить военное поприще, но, прослужив немногим более двух лет, он решил «посвятить себя сочинению музыки» и покинул престижный полк. И это несмотря на то, что в то же самое время его друг и коллега, с которым он несколько лет делил общий кров, Н.А. Римский-Корсаков писал: «Мусоргский, будучи прекрасным пианистом, не имел ни малейшей технической подготовки как сочинитель» [5].

В дальнейшем композитор несколько раз начинал трудиться в различных гражданских ведомствах, но всегда очень недолго и каждый раз был вынужден покинуть место из-за бесчислен-

ных прогулов, причиной которых даже близкие называли алкоголизм. Разумеется, нельзя не согласиться с мнением отечественного психиатра А.И. Алтунина: «Повышенная впечатлительность, чрезмерная ранимость таланта наряду с неспособностью и нежеланием окружающих понимать часто создают довольно-таки высокую нагрузку на нервную систему у таланта, заставляя ее работать в особом, и без того напряженном режиме. Постоянные перегрузки часто приводят к психическим срывам и болезням нервной системы, особенно учитывая то, что для вызывания вдохновения многие и так часто используют кофе, алкоголь и наркотики [1].

Многочисленные исследователи творческого пути М.П. Мусоргского неоднократно изучали вопрос о том, как события личной биографии, переживания и даже болезнь влияли на неповторимость его сочинений, и где найти причины, вызвавшие появление того или иного художественного произведения [2, 3, 6, 7]. Так, по воспоминаниям современников, ссылки на которые приводятся и в публикациях современных авторов, в марте 1865 г. после похорон матери Модест Петрович «выглядел совершенно разбитым физически и нравственно». У него произошел первый «инцидент алкогольной горячки», повлекший за собой первое отстранение от гражданской службы [6, 7].

Одновременно обращает на себя внимание, что все наиболее значимые произведения написаны М.П. Мусоргским уже после смерти его любимой матушки, и практически все они были завершены (или оркестрованы) уже другими композиторами, после его кончины [2, 3, 7]. Хронический алкоголизм мешал ему завершить серьезные сочинения, постепенно побеждая гения: творческий процесс снова и снова прерывается пьяными инцидентами. Исключением можно считать только два вокальных цикла «Детская» и «Без солнца». Другие же его произведения: несколько опер, таких как «Хованщина», «Саламбо», «Сорочинская ярмарка», и в том числе циклы песен и пьес с символическими названиями «Песни и пляски смерти», «Картинки с выставки», остались незавершенными. Анализируя цикл «Песни и пляски смерти», врач-психиатр А.В. Шувалов пишет, что «можно предположить, что он писался до или после приступа делирия».

Многие любители классической музыки отмечают у М.П. Мусоргского пристрастие к диссонансам, тяжеловесным созвучиям, сопровождающим и без того мрачные сюжеты. Будучи несомненным новатором в оперном искусстве, все его творчество, тем не менее, носило серьезный отпечаток его же пагубной страсти. Так, отечественный психиатр В.М. Милявский отмечает, что «продукция алкоголиков чаще всего связана с изображением пережитого во время белой горячки», а также «обращает на себя внимание стремление к натуралистическим подробностям, количество которых, сплошь и рядом, выходит за рамки тех

наблюдений, которые были почерпнуты во время психоза. Подчеркиваются сцены насилия, разрушительные действия» [4]. Оба эти высказывания можно напрямую соотнести с творчеством М.П. Мусоргского, многие современники которого отмечали большое количество тяжелых, шокирующих сцен и не ласкающих слух музыкальных созвучий. Такие воспоминания оставили не только Н.А. Римский-Корсаков, но и П.И. Чайковский и целый ряд менее известных общественных и культурных деятелей того времени.

Вообще мир искусства середины XIX века, за исключением коллектива «Могучей кучки», не был в восторге от творческих изысканий композитора, что также влияло на его мироощущение и вновь приводило к злоупотреблениям алкоголем. Так, первая редакция самой известной и единственной, которую он завершил самостоятельно, оперы М.П. Мусоргского «Борис Годунов» подверглась жесточайшей критике как со стороны дирекции театра, так и со стороны слушателей. В конце концов, под влиянием общественного мнения композитор создал вторую редакцию оперы, в которую ввел единственный женский образ, а также добавил ряд сцен, несколько облегчивших её восприятие. Один из современных исследователей творчества композитора А.В. Шувалов в своем патогRAFическом очерке говорит о том, что «можно, по-видимому, говорить и о некотором позитивном влиянии алкоголизма и связанных с ним депрессивных переживаний на создание, например, ни с чем сравнимых по силе воздействия сцены галлюцинации в опере «Борис Годунов» или сцены самосожжения раскольников в «Хованщине» [7].

То есть, с одной стороны, композитор жил и творил в период высочайшего духовного подъема общества, во всем мире считающегося расцветом русской культурной жизни, когда социальные преобразования способствовали пробуждению у художников национального самосознания когда одно за другим появлялись новые и новые произведения, каждое из которых стало впоследствии настоящей «жемчужиной мировой культуры». От большинства из созданного в эту эпоху, по словам великого современника — И.Е. Репина «веяло такой свежестью, новизной и, главное, поразительной реальной правдой и поэзией настоящей русской жизни! Да, это был истинный расцвет русского искусства».

А с другой стороны, М.П. Мусоргского мучил душевный разлад, разлом и в какой-то мере раздвоение личности: поэтическое, восторженное восприятие действительности: «Художник верит в будущее, потому что живет в нем¹», и одновременно невозможность «вытравить из себя раба», порожденная вульгарным алкоголизмом.

Отсутствие постоянного дохода, непонимание его творчества публикой, и, как следствие, нехватка самого необходимого создавали замкнутый круг, из которого он не мог выбраться. «До сих пор в России музыка (кроме плохой) не составля-

¹ Из письма М.П. Мусоргского Людмиле Ивановне Шестаковой [6].

ет еще значительного спроса ни со стороны публики, ни издателей и не может кормить талантливых композиторов», — сказано В.В. Стасовым в те годы, но как будто и про настоящее время.

При этом Модест Петрович пытался, как мог, скрыть от друзей свою невоздержанность, но чаще всего в этом терпел неудачу. Сведения о его запоях и устраиваемых им дебошах встречаются и в воспоминаниях А.П. Бородин и В.В. Стасова и других людей, поддерживавших с ним дружеские взаимоотношения. Будучи одним из самых близких друзей — Н.А. Римский-Корсаков писал: «обеда у нас и у других общих знакомых, Мусоргский обыкновенно почти совсем отказывался от вина, но вечером, попозже, его уже тянуло в «Малый Ярославец» [5]. Композитор становится все более мрачным, страдает от одиночества и одновременно избегает общения, т.е. ведет себя как абсолютно больной человек. «Мир алкоголика полон непонимания и вражды. И в центре этого злого, порочного, неблагодарного мира находится автор — хороший, добрый, славный парень, которому чертовски не повезло», — утверждает В.М. Милявский [4].

Существует и другая точка зрения. Так, литературовед и критик, автор многих статей Е.Н. Иваницкая прямо обвиняет друзей композитора в корысти, в недобросовестности, и приводит своеобразный аргумент, что «алкоголизм как причина смерти — это же не медицинское объяснение, а, как бы сказать, публицистическое» [3]. С ней трудно согласиться.

К концу 1880 г. личность Модеста Петровича стремительно уничтожалась неумеренным употреблением спиртного, он пропивал даже необходимое, опускаясь все ниже и ниже. О творчестве уже не было и речи. В середине февраля 1881 г. у него наблюдаются спутанность сознания, повышенная тревожность, страх, двигательное возбуждение, зрительные галлюцинации, т.е. все признаки белой горячки. Тяжело больного, его с большими сложностями поместили в Николаевский военный госпиталь. И несмотря на тяжесть состояния, лечение неожиданно для всех начало приносить облегчение, композитор почувствовал себя лучше и именно в этот период, примерно 2-6 марта 1881 г., И.Е. Репин, всегда с восторгом относившийся к музыке, созданной М.П. Мусоргским, и очевидно осознавая, что может не успеть, пишет знаменитый портрет. На нем в больничной палате Мусоргский представлен неизлечимо больным алкоголиком: неряшливым, полностью запустившим себя внешне. «Жалок и непривлекателен был портрет русского гения в конце жизни: землисто-серое лицо с фиолетовым носом, обрюзгшее тело. Алкоголизм сломал его здоровье: цирроз печени, болезнь сердца и воспаление спинного мозга по-

губили Модеста Петровича Мусоргского, не дав ему дожить и до сорока трех лет» [6].

Через несколько дней после окончания сеансов позирования для написания портрета, композитор через сторожа госпиталя достает бутылку коньяка, и все лечение оказывается напрасным. Всего через несколько дней — 16 марта он скончался,

Почему же в госпитале и под чужим именем? Этими вопросами задаются многие исследователи. Дело, скорее всего, было далеко не в том, что гражданского человека невозможно было поместить в военный госпиталь бесплатно, или, как с большим пафосом пишет Е.Н. Иваницкая, «на лечение денег не было — на похороны мигом отыскались» [3]. Сегодня, в XXI веке, невозможно полностью осознать, что означала для дворянина позапрошлого столетия смерть от алкоголизма вне собственного дома вообще, а в больнице, да еще и для простолудинов — особенно. В ту эпоху такой финал означал полный крах жизненного пути и позор всему роду.

Полагаю, что прекрасно осознавая великий Дар Божий, которым был наделен Мусоргский, и не желая ненужной огласки, досужих великосветских пересудов, друзья и записали его под именем «вольнонаемного денщика ординатора Льва Бертенсона».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лукьянова Евгения Евгеньевна — канд. пед. наук, заведующая научной медицинской библиотекой НИИ СП им. Н.В. Склифосовского, г. Москва, 129010, Б. Сухаревская пл., д.3, корп.1.
e-mail: jennijenniluk@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтунин, А.И. Гений — шизофреник или шизофреник — гений? (гениальность глазами психиатра) [Электронный ресурс] / А.И. Алтунин // Проза.ру: электрон. журн. — URL: <https://www.proza.ru/2010/03/24/289>
2. Гура И.С. М.П. Мусоргский: метафизика трагедийности [Текст]: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. — Красноярск, 2003. — 161 с.
3. Иваницкая Е.Н. Кто виноват? [Текст] / Е.Н. Иваницкая // Нева. — 2010. — № 6. — С. 198-204.
4. Милявский В.М. Творчество больных алкоголизмом [Текст] / В.М. Милявский // Творчество психических больных / В.М. Милявский.-Полтава, 1993. — Гл. IV. — С. 58-62.
5. Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни [Текст] / Н.А. Римский-Корсаков. — М.: Музыка, 1980. — С. 112-114.
6. Федякин С.Р. Мусоргский [Текст] / С.Р. Федякин. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 558 с. — (Сер.: Жизнь замечательных людей).
7. Шувалов А.В. «Лишь познавшего страданья осеняет вдохновенье...» (патографический очерк о композиторе Мусоргском) [Текст] / А.В. Шувалов // Независимость личности. — 2012. — №1 (8). — С. 44-50.

¹ Трактир, а позднее ресторан в Санкт-Петербурге, где М.П. Мусоргский был завсегдатаем.